

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.37

А.Г. БЕЗВЕРХОВ,
доктор юридических наук, профессор

ГОУ ВПО "Самарский государственный университет"

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты адекватности уголовно-правового обеспечения социальной рыночной системы современным реалиям. Анализируются спорные моменты ряда статей Особенной части УК РФ, в которых установлена ответственность за преступления, посягающие на экономические отношения. Обосновываются авторские предложения о трактовке и совершенствовании некоторых уголовно-правовых норм.

В начале XXI века Россия начала осуществлять поворот в сторону социальной рыночной экономики – такого типа экономического устройства общества, при котором, с одной стороны, невозможно обойтись без серьезного государственного вмешательства в экономику, а с другой – без создания гарантий социальной защиты населения, физического и духовного здоровья нации, а равно "условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека" (ст. 7 Конституции Российской Федерации).

В условиях перехода современной России к социально ориентированной рыночной экономике есть все основания говорить как об известном (но не чрезмерном) усилении государственного регулирования экономических отношений вообще, так и об *адекватном уголовно-правовом обеспечении социальной рыночной системы* (здесь и далее – курсив автора) в частности. Какова должна быть мера этого уголовно-правового воздействия, чтобы не подрывать способность рыночной экономики к саморегу-

ляции и развитию? На протяжении истории эта мера устанавливалась эмпирическим путем и закреплялась *законодателем* в соотношении публичного и частного права [1], в установлении баланса публичных и частных интересов, в регламентации возможных альтернатив уголовно-правовому принуждению.

При установлении пределов уголовно-правового обеспечения в экономической сфере важно не упускать из виду существования определенной взаимосвязи между уголовным законом и охраняемыми им экономическими отношениями. Эта взаимосвязь, с одной стороны, находит свое выражение во влиянии экономики на действующее уголовное законодательство и его эволюцию. Речь идет *об основании уголовно-правового запрета в сфере экономики*, об обусловленности уголовного закона экономическими закономерностями и тенденциями, о зависимости уголовного законодательства от типа экономики, другими словами, о том, что под "имущественным" и "хозяйственным" уголовным законодательством

лежит большая экономика. Указанная взаимосвязь проявляется и в известном влиянии уголовного закона на экономику. Тогда речь идет о действии уголовно-правового запрета в сфере экономических отношений, о роли и месте уголовного закона в комплексной правовой охране экономики. При этом обращает на себя внимание своеобразие уголовно-правового воздействия: последнее осуществляется путем уголовно-правового регулирования тех общественных отношений, которые возникают в связи с преступным нарушением охраняемых уголовным законом отношений (предмета уголовно-правовой охраны) [2]. Такое уголовно-правовое воздействие, несомненно, способно повлечь определенные изменения в сфере экономики. Последствия таких изменений во многом скрыты от нас. Одно несомненно: "обратная связь" экономики и уголовного права, влияние уголовного закона на экономические отношения носят неоднозначный характер, поскольку уголовный закон может препятствовать общественному производству или, наоборот, способствовать его развитию, замедлить экономический оборот (обмен) или, напротив, ускорить его, гарантировать справедливое распределение либо провоцировать рост необоснованного перераспределения. Отсюда, пределы уголовно-правового регулирования экономических отношений ограничивают применение допустимых способов и средств – таких, которые бы не препятствовали экономическому развитию. В то же время целесообразно использование уголовно-правовых способов и средств, достаточных для надежной защиты здоровых рыночных отношений от незаконного вторжения, как чиновного, так и криминального, для эффективного предупреждения преступных посягательств на конституционные принципы функционирования и развития предпринимательской экономики, основные права и свободы граждан, правоохраняемые интересы общества и государства.

Как представляется, уголовный закон продолжает играть немаловажную роль в ослаблении действия стихийных и организованных криминальных сил в сфере рыночной эконо-

мики. Данное обстоятельство следует особо подчеркнуть, так как начиная с девяностых годов прошлого столетия утвердилось представление о вытеснении уголовного закона из сферы правовой охраны рыночных экономических отношений. Кстати говоря, этот стереотип имеет давнюю историю. Так, в XIX веке обсуждалась идея об ограничении уголовно-правового принуждения за обманы в экономической сфере. Указанная идея базировалась на нескольких основаниях. Одно из них – целесообразность экономии уголовных репрессий. Другое основание выводилось из английского прецедентного права: "наказание существует не для того, чтобы карать человека за его умственное превосходство над другим: предоставьте одному пользоваться своим умом, другому – пенять на самого себя за свою глупость". Н.Д. Сергеевский разъяснял: "Выдвигается соображение о том, что обман, мошенничество представляет собой насилие не над волей лица пострадавшего, а так сказать, над его знанием, так что во всяком мошенничестве есть элемент собственной небрежности и невнимательности пострадавшего; закон уголовный не может заменять своей санкцией личную невнимательность и здравый смысл отдельных лиц: нельзя наказывать причинение убытков по собственной небрежности хозяина" [3]. Третьим основанием служили утверждения, что широкая наказуемость имущественных обманов стесняет свободу коммерческого оборота, что известный риск, возможность убытков, вместо ожидаемых доходов, всегда присущи имущественным сделкам; что получение продавцом прибыли за свою ловкость и за счет невнимательности покупателя – явление вполне нормальное, способствующее развитию торговых сделок [3].

В русле вышеприведенных суждений немецким ученым-юристом Геннером была выдвинута даже идея об уголовной ненаказуемости обманов и сделан вывод, что лицо, которое введено в заблуждение при каких бы то ни было обстоятельствах, явно "дремлет", а, следовательно, это лицо не может рассчитывать на уголовно-правовую охрану своих обманутых интере-

сов¹ [4, с. 135-136]. Как метко заметил в этой связи М. Чубинский, Геннером было сформулировано безнравственное правило: "ловко обещать другому – твое счастье, пострадаешь от обмана – сам виноват" [5, с. 304]. По мнению И.Я. Фойницкого, "это было голое, почти вовсе не мотивированное указание, которому не решился последовать ни один законодатель, ни один теоретик: необходимость наказуемости имущественных обманов уже ясно сознавалась обществом" [4, с. 136]. Как видно, указанные идеи потерпели в то время крах, но они являются ярким примером того, куда может привести политика, бесосновательно и беспредельно принижающая роль уголовного права в сфере экономики. Очевидно негативное влияние такой политики не только на процессы применения норм о преступлениях в сфере экономики, правосознание населения, но и на развитие экономических отношений. Не следует забывать, что экономический оборот основан на доверии. Отсутствие последнего замедляет или даже прекращает его.

Наказуемость обманов и лжи в сфере экономики сегодня явно не отрицается, но, как уже было замечено, получил известное распространение стереотип о резком сокращении сферы уголовно-наказуемого в целях интенсивного развития экономического обмена. Что можно сказать в этой связи? Давно замечено, что экономический оборот и оборот мошеннический, вымогательский не есть синонимы [5, с. 304], что "едва ли желателен коммерческий оборот,

развивающийся на почве какого бы то ни было обмана" [6, с. 169]. Возможен и жизненно необходим экономике оборот, чуждый обманов и принуждений. Поэтому свобода оборота вовсе не означает свертывания уголовно-правовых средств в экономической сфере, а наоборот, предполагает серьезное противодействие преступным проявлениям в указанной области.

Недопустимость бесосновательного ослабления уголовно-правовой охраны рыночной экономики обосновывается и тем, что этот тип экономического порядка (как, впрочем, и любая другая хозяйственная система) далек до идеала экономического устройства общества. Рыночные институты и механизмы не являются самодостаточными. Жизнь демонстрирует многообразие "провалов" рынка². Одно из самых негативных проявлений рыночной стихии – высокий рост экономической преступности и появление все новых видов криминального поведения в экономической сфере. Очевидно, что рынок не является панацеей от преступности. Он не имеет механизмов, сдерживающих это зло. Остались в прошлом ошибочные представления о рынке как об абсолютно саморегулируемой системе, обеспечивающей снижение преступности, в том числе экономического характера³.

² Под «провалами» рынка понимаются ситуации, когда действие рыночного механизма неспособно обеспечить надлежащее удовлетворение общественных потребностей или устранение источников опасности либо порождает угрозы безопасности личности, общества и государства.

³ Необоснованное вытеснение уголовного закона из экономики, неоправданное принижение значения экономического уголовного законодательства влечет *безнаказанность* опасного поведения в этой сфере, что провоцирует еще большую криминализацию экономики. В условиях же действия коррупции и других «механизмов» избегания ответственности, когда широко применяются не просто отдельные приемы и способы уклонения от нее, а тщательно разработанные и успешно внедряемые в жизнь разнообразные «схемы» и обеспечивающие безнаказанность «технологии», такое положение становится вовсе нетерпимым. Оно в известной мере привело к тому, что новый российский капитализм уже в «детском» возрасте был криминогенно «заражен» и продолжает нести в себе преступные элементы, сохраняющие тенденцию к росту. Очевидно, что действующая безнаказанно преступность все больше деформирует рыночные отношения, создавая у населения представление о рынке как о системе афер, шантажа, жульничества и всеобщего надувательства, где «одурачивание населения» является одним из основных источников и способов обогащения.

¹ В основание данных утверждений были положены известные формулы древнеримского права: «законы служат тем, кто бодрствует, а не дремлет», «право пишется лишь для бдящих, заботящихся о своих интересах» (*vigilantibus, et non dormientibus, iura subveniunt; servat lex, succurunt iura subveniunt*). По мнению Геннера, требование уголовного наказания за мошенничество (когда обманутый потерпевший терпит ущерб вследствие своей излишней доверчивости или небрежности к собственным интересам) может быть объяснено лишь контаминацией начал уголовного права и морали. Он писал: «Стеллионат, известная заповедка всех законодательств, не желающих смешивать право с моралью, должен быть ограничен самыми тяжкими случаями, и даже их следовало бы предоставить исключительному ведению гражданских судов, так как защита поверившему обману есть скорее дело приличия и вежливости, чем юридическая обязанность».

Следует еще раз подчеркнуть, что уголовно-правовое обеспечение рынка есть настоящее требование времени. Так, опаснейшей криминогенной тенденцией последних лет является рост краж нефти путем несанкционированных врезок в нефтепроводы и нефтепродуктопроводы. Буквально на глазах указанная разновидность краж из разряда редких криминальных проявлений трансформировались в масштабную угрозу безопасности топливно-энергетического комплекса. Так, по Самарской области в 2000 году было зарегистрировано 33 криминальных "врезки" в нефтепроводы, в 2005 году – 816 преступлений данной категории, в 2006 году – 577. Высокая опасность этих преступлений обусловлена такими факторами, как посягательство на несколько правоохраняемых объектов, сопряженность с совершением другого самостоятельного противоправного деяния против общественной безопасности, частое причинение множества общественно опасных последствий, тесная связь с организованной и профессиональной преступностью, совершение такой разновидности хищений в условиях коррупции. В свете сказанного вполне обоснованным выглядит законодательное решение вопроса об адекватном уголовно-правовом реагировании на факты корыстного криминального вмешательства в систему нефтепроводов и нефтепродуктопроводов. Федеральным законом от 30 декабря 2006 года № 283-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 2153 "Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов", ст. 158 УК РФ была дополнена новым квалифицированным видом, описанным в п. "б" ч. 3 этой статьи: "совершение кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода" (тяжкое преступление), ст. 175 была дополнена еще одним усиливающим ответственность обстоятельством (п. "б" ч. 2 этой статьи): "приобретение или сбыт нефти и продуктов ее переработки в крупном размере, заведомо добытых преступным путем" (преступление средней тяжести). Как видно, запоздавшие меры в этом направлении приняты. Избранный законодателем способ предупреждения преступности в сфере топливно-энергети-

ческого комплекса призван повысить уровень безопасности функционирования трубопроводного транспорта, устранить дисбаланс в оценке опасности преступных посягательств на объекты нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, предоставить правоохранительным органам эффективные юридические инструменты для предупреждения этого криминального промысла.

Однако автор с этим законом не согласен. Предложенный законодателем способ усиления уголовной ответственности не учитывает, что "криминальные врезки" – одно из современных проявлений профессионального криминалитета и организованной преступности, угрожающее как имущественному правопорядку, так и интересам личности, общественной безопасности, окружающей природной среде, обороноспособности страны. Наиболее приемлемым представляется обеспечение более строгого дифференцированного подхода за кражу нефти из магистральных трубопроводов путем установления уголовной ответственности за это посягательство в ч. 4 ст. 158 УК РФ.

Далее, этот закон вносит элемент хаотичности в понятийный аппарат уголовного законодательства, включая в него такие категории, как "трубопровод" (п. 3 примечаний к ст. 158), "нефтепровод", "нефтепродуктопровод", "газопровод" (п. "б" ч. 3 ст. 158), "магистральный трубопровод" (п. "б" ч. 2 ст. 2153). Следует подчеркнуть, что эти смежные категории не имеют своего легального определения в действующем базовом законодательстве, последнее не содержит критериев разграничения видов трубопроводного транспорта, а законопроект "О магистральном трубопроводном транспорте" находится в стадии разработки. Обращение к подзаконным нормативным актам также не вносит полной ясности в рассматриваемую проблематику⁴.

⁴ Согласно п. 1.2 Правил охраны магистральных трубопроводов, утвержденных постановлением Госгортехнадзора РФ от 22 апреля 1992 г. №9, в состав магистрального трубопровода входят: (1) трубопровод (от места выхода подготовленной к транспорту товарной продукции до мест переработки и отгрузки нефти, потребления нефтепродуктов или перевалки их на другой вид транспорта и реализации газа, в том числе сжиженного,

Наконец, появление в УК РФ нового состава преступления против общественной безопасности (ст. 2153) представляется нецелесообразным по причине перенасыщения уголовного законодательства специальными нормами. Учитывая, что корыстное криминальное вторжение в систему магистрального трубопроводного транспорта посягает как на отношения собственности, так и на транспортную безопасность, вполне достаточно было бы использование существующего уголовно-правового потенциала, в частности, внесение соответствующих изменений в ст. 267 "Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения".

потребителям) с ответвлениями и лупингами, запорной арматурой, переходами через естественные и искусственные препятствия, узлами подключения насосных и компрессорных станций, узлами пуска и приема очистных и диагностических устройств, узлами измерения количества продукции, конденсатосборниками, устройствами для ввода ингибиторов гидратообразования, узлами спуска продукции или продувки газопровода; (2) установки электрохимической защиты трубопроводов от коррозии, линии и сооружения технологической связи, средства телемеханики трубопроводов; (3) линии электропередачи, предназначенные для обслуживания трубопроводов, устройства электроснабжения и дистанционного управления запорной арматурой и установками электрохимической защиты трубопроводов; (4) противопожарные средства, противозерозионные и защитные сооружения трубопроводов; (5) емкости для хранения и разгазирования конденсата, земляные амбары для аварийного выпуска продукции; (6) сооружения линейной службы эксплуатации трубопроводов; (7) вдольтрассовые проезды и переезды через трубопроводы, постоянные дороги, вертолетные площадки, расположенные вдоль трассы трубопровода, и подъезды к ним, опознавательные и сигнальные знаки местонахождения трубопроводов, сигнальные знаки при пересечении трубопроводами внутренних судоходных путей; (8) головные и промежуточные перекачивающие, наливные насосные и напоропонижающие станции, резервуарные парки, очистные сооружения; (9) компрессорные и газораспределительные станции; (10) станции подземного хранения газа, нефти и нефтепродуктов; (11) автомобильные газонаполнительные станции; (12) наливные и сливные эстакады и причалы; (13) пункты подогрева нефти и нефтепродуктов. Исходя из буквы этого нормативного акта получается, что «трубопровод» может быть компонентом «магистрального трубопровода», а, следовательно, тайное изъятие нефти или нефтепродуктов из любого из названных источников, являющихся составной частью магистрального трубопровода, содержит признаки особо квалифицированного состава кражи, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК, и квалифицированного состава приведения в негодность нефтепроводов, описанного в п. «б» ч. 2 ст. 2153.

В современной России усиливается криминальный оборот интеллектуальной собственности. Выступая в феврале 2006 года на коллегии Генпрокуратуры, Президент России заметил: "По оценкам экспертов, объем фальсифицированных товаров на отечественном рынке видеопродукции составляет почти 70%, а программного обеспечения – около 90%. Почти весь программный продукт у нас контрафакт"⁵. По словам главы федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам Б. Симонова, теневой объем продаж различной контрафактной продукции в России составляет 80-100 млрд рублей ежегодно⁶. Несомненно, что современная уголовная политика не может игнорировать эту серьезную проблему. Она должна определиться, как оптимально с помощью уголовно-правовых способов и средств попытаться совместно с другими отраслями законодательства противодействовать сложившейся в этой сфере криминальной ситуации. Среди первых шагов на этом пути стало принятие федерального закона от 9 апреля 2007 года № 42-ФЗ, которым было увеличено максимальное наказание для преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 146 и ч. 3 ст. 180, до шести лет лишения свободы (при этом альтернативная санкция ч. 3 ст. 180 трансформировалась в безальтернативную) и, соответственно, квалифицированные виды указанных преступлений переведены в категорию тяжких.

Одна из задач современной уголовной политики – это обеспечение в УК РФ строгой и последовательной дифференциации уголовной ответственности. В части основания дифференциации ответственности в уголовном законодательстве за экономические правонарушения преступление небольшой тяжести должно выступать "ступенью", естественно переходящей к преступлению средней тяжести, но никак не служить "подножием" для перехода к категории преступлений более высокого уровня опасности. Между тем, федеральный закон от 9 апреля

⁵ См.: Российская газета. – 2006. – 4 апреля.

⁶ См.: Российская газета. – 2004. – 3 ноября.

2007 г. № 42-ФЗ перевел квалифицированные составы нарушения авторских и смежных прав (ч. 3 ст. 146 УК) и незаконного использования товарного знака (ч. 3 ст. 180 УК) из категории преступлений средней тяжести в категорию тяжких преступлений и тем самым создал дисгармонию в мерах уголовной ответственности за указанные виды правонарушений. В результате такой хаотичной дифференциации последовал необоснованный "скачок" через преступление средней тяжести. Более оправданным видится обеспечение строгого дифференцированного подхода к уголовной ответственности за совершение указанных преступлений "группой лиц по предварительному сговору" и "организованной группой".

Законодательное решение об усилении охраны интеллектуальной собственности посредством трансформации квалифицированных видов преступлений, предусмотренных ст.ст. 146 и 180 УК, видится половинчатым, имеющим, скорее, политический контекст, связанный с затянувшимся процессом вступления России во Всемирную торговую организацию. В доктрине предлагаются иные способы усиления ответственности за преступления против интеллектуальной собственности, которые представляются более обоснованными и продуктивными. Так, А.В. Наумов считает целесообразным внести изменения "в статьи УК РФ об ответственности за нарушение авторских и смежных прав (ст. 146) и нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147). В частности путем конструирования квалифицированных составов таких преступлений, связанных с неправомерным завладением предметами указанных прав и примерным уравниванием санкций за совершение подобных деяний с санкциями за хищение чужого имущества" [7].

Следующий способ заключается в признании основным объектом посягательств на интеллектуальную собственность экономических отношений, отнесении этих преступных деяний к экономическим правонарушениям [8] и, соответственно, переносе норм об ответственности за эти посягательства в гл. 21 "Преступления против собственности" или гл. 22 "Преступле-

ния в сфере экономической деятельности" раздела VIII УК РФ либо объединении норм об этих преступлениях в новой главе "Преступления против интеллектуальной собственности" указанного раздела [9]. При этом также предлагается по возможности уравнивать ответственность за рассматриваемые преступления и смежные с ними корыстные ненасильственные посягательства на материальную собственность. Это обосновывается тем, что преступления против интеллектуальной собственности имеют де-факто корыстную направленность, посягают на экономические отношения и причиняют имущественный ущерб гражданам, обществу и государству.

Еще один способ не связан с изменением уголовного закона. Он заключается в оказании влияния на меру ответственности за посягательства на интеллектуальную собственность посредством правовых оценок. При наличии к тому оснований указанные преступления предлагается квалифицировать как преступления против собственности либо по совокупности преступлений против интеллектуальной и материальной собственности [10, 11]⁷.

Эффективное предупреждение преступных нарушений прав на результаты творческой деятельности предполагает признание материальной и интеллектуальной собственности равнозначными правоохраняемыми объектами и базируется на принципе одинаковой защиты имущественного и интеллектуального капитала (конечно же, при сходных или идентичных обстоятельствах).

⁷ Так, А.И. Бойцов считает, что нормы о преступлениях против собственности (прежде всего, о мошенничестве и вымогательстве) могут быть задействованы в тех случаях, когда диспозиции статей УК о нарушениях авторских и смежных прав оказываются бессильными, не поглощая собой всех возможных нарушений указанных прав. Автор настоящей статьи в свое время также писал: «Противоправное деяние, одновременно нарушающее личные неимущественные и имущественные права авторов, посягает на два разных объекта – личные неимущественные и связанные с ними имущественные отношения. Поэтому в случае приобретения путем обмана или принуждения наряду с личными неимущественными правами авторов права имущественного характера, содеянное, как представляется, требует дополнительной квалификации по нормам УК о мошенничестве или вымогательстве».

В основании этого принципиального подхода лежит все та же экономическая составляющая – прогнозируемая трансформация отечественной индустриальной экономики в экономику знаний. В это основание может быть положен также конституционный принцип равной охраны разных форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Если при этом принимать во внимание интеллектуальную форму собственности (о защите которой говорится в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ), то это равенство, гарантированное Конституцией РФ, требует своего действительного обеспечения в уголовном законодательстве. Сегодня минимальные стоимостные критерии преступного в сфере имущественных отношений – свыше одного минимального размера оплаты труда, иногда и того меньше (к примеру, при карманной краже); нижние стоимостные критерии преступного в области охраны интеллектуальной собственности – свыше 50 000 рублей (ч. 2 ст. 146) или даже свыше 250 000 рублей (ст. 180). Несколько упрощая проблему, стоит отметить: по действующему УК РФ кража вещи в сотни раз опаснее "кражи" идеи. Как представляется, законодательная оценка опасности нарушений интеллектуальной собственности чрезмерно занижена. Современный мир вступил в постиндустриальную эпоху и активно строит информационное общество. Именно с учетом этих закономерностей предстоит решать вопрос о повышении правовой охраны интеллектуальной собственности.

В *правоприменении*, касаясь пределов уголовно-правового обеспечения рынка, важно избегать двух крайностей. С одной стороны, практическим работникам недопустимо занимать позицию невмешательства и попустительства в отношении экономических преступлений, совершаемых под видом гражданско-правовых сделок, под "прикрытием" договоров и легальной предпринимательской деятельности. В этой связи следует подчеркнуть, что совершение общественно опасных деяний в сфере договорных отношений и влекущих за собой гражданско-правовые санкции, вовсе не является обстоятельством, исключаящим при наличии к тому оснований правовой оценки содеянного как преступления. Между преступлениями и граж-

данскими правонарушениями могут складываться отношения идеальной совокупности, которая порождает возможность одновременно привлечения виновных лиц и к гражданско-правовой, и к уголовной ответственности за одно и то же нарушение (конечно же, когда в содеянном имеет место сочетание составов двух названных деликтов).

Нужно и должно говорить также и о другой негативной тенденции, которая наметилась в правоприменении и которая переходит все разумные пределы, – это вовлечение уголовного закона в такие дела, которые должны решаться исключительно в гражданских и арбитражных судах. И на это не следует закрывать глаза. Цена вопроса измеряется здесь не только коррупционной составляющей, нецелевым расходованием государственных средств, необоснованным использованием властных полномочий правоохранительных и судебных органов, созданием видимости борьбы с преступностью, напоминающей в таких случаях "пальбу из пушек по воробьям", но и состоит в неправомерном давлении на честный и легальный бизнес, в противоправном нарушении свободы конкуренции и других конституционных принципов предпринимательской экономики.

Научное обеспечение уголовной политики в условиях рыночной системы заключается, прежде всего, в разработке категориального аппарата, наиболее приспособленного для нужд современной практики. В том, что последняя испытывает крайнюю потребность в этом, свидетельствует, в частности, тенденция расширительного толкования понятия "хищение чужого имущества" и распространения его на все большее число криминальных случаев в сфере экономики (в частности, на случаи противоправных посягательств, совершаемых по поводу недвижимости, а также имущественных прав и других неимущественных ценностей). Такую тенденцию, как считает автор, следует переломить. Необходимо исключить необоснованное возложение на уголовно-правовые нормы о хищениях несвойственных им функций охраны управления чужим имуществом, экономического обмена, сегментов экономики неимущественного со-

держания. В строгом смысле категория "хищение чужого имущества" суть абстракция, отражающая фактическое нарушение прав собственности. Она является истинной лишь постольку, поскольку в сфере распределительных отношений существуют преступные посягательства, совершаемые по поводу чужих вещественных благ. Эта правовая конструкция выражает необходимость предупреждения корыстного криминального безвозмездного изъятия чужого имущества (в смысле вещи), которое причиняет реальный ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Это, в свою очередь, инициирует разработку и применение на практике таких уголовно-правовых средств и инструментов, которые непосредственно предназначены для обеспечения охраны отношений по обмену и прочих экономических сфер, не характерных для проявления хищений.

Исторический и сравнительно-правовой анализ показывает, что большой правовой потенциал заложен во многих юридических категориях и конструкциях, сегодня незаслуженно забытых или потерявших "рыночный" смысл. Вот несколько из них. Во-первых, это "мошенничество", норма о котором в условиях рыночной системы требует распространения своего действия на имущественные отношения, получающие различные юридические формы выражения, не сводящиеся исключительно к праву собственности. Во-вторых, это "злоупотребление доверием" – правовая конструкция (или система правовых предписаний) по предупреждению криминальных явлений, выражающихся в ненадлежащем управлении и распоряжении чужим имущественным состоянием (в том числе капиталом коммерческих и некоммерческих организаций) вопреки законным интересам доверителя. Следует подчеркнуть, что указанная юридическая конструкция полностью охватывает собой современную правовую категорию "злоупотребление полномочиями". В-третьих, это специальные юридические конструкции, такие как "незаконное потребление энергии", "противоправное использование связи", "получение выгод путем использования ЭВМ", "нарушение прав по владению, пользованию и (или) распоряжению недвижи-

мым имуществом" и др. Этот перечень можно продолжить, если принимать во внимание неудачный опыт законодательной регламентации ряда норм об ответственности за "преступления в сфере экономической деятельности" и практики их применения. Подлинный вопрос заключается не в том, нужны ли нам подобные конструкции, а в том, как их создать (или восстановить) и эффективно использовать в целях надежной охраны социальной рыночной системы.

Особого внимания современной уголовной политики заслуживает вопрос о соотношении нормативных положений в главах 21 и 22 УК РФ. В этой связи заметим, что ряд норм о преступлениях в сфере экономической деятельности имеют свое обоснование в нормах о преступлениях против собственности и представляют собой либо прообраз, либо модифицированный вид. Наличие в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности ряда сходных признаков с теми или иными видами имущественных посягательств не случайно. Это обстоятельство является следствием отражения в уголовном законе процессов приспособления традиционного криминалитета к усложняющейся экономической организации общества. Хозяйственные преступления были и останутся особой формой подлаживания, приноравливания преступности к изменяющимся условиям в экономической сфере. Поэтому законодатель при сохранении "традиционных" норм о преступлениях в сфере экономики конструирует "новые", которые получают относительную самостоятельность, в силу чего их "родственная" связь с породившими их "пранормами" не всегда очевидна. При этом взаимодействие между "традиционными" нормами об имущественных и "новыми" нормами о хозяйственных преступлениях принимает различный характер и последствия, которые во многом еще скрыты от нас и, соответственно, требуют исследования.

Сопоставление законодательной оценки опасности смежных преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) и преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ) показывает, что первые представляют собой сво-

его рода "привилегированные" разновидности последних. Для сравнения возьмем стоимостные критерии. Если в гл. 21 УК РФ крупный размер (ущерб) является, как правило, квалифицирующим обстоятельством, то в гл. 22 – это конструктивный признак ряда составов преступлений в сфере экономической деятельности. Сопоставим нормативные положения о мошенничестве (ч. 3 ст. 159), причинении имущественного ущерба (ч. 2 ст. 165) и смежные с ними нормы о незаконном получении кредита (ст. 176), контрабанде (ст. 188), уклонении от уплаты таможенных платежей (ст. 194), налоговых преступлений (ст.ст. 198 и 199). Получается, что при прочих равных экономических условиях и основаниях посягательства, описанные в гл. 21 УК РФ, признаются более опасными, чем те, которые предусмотрены в гл. 22. Это различие в уровне опасности еще больше бросается в глаза в свете действия принципа равенства: экономические посягательства, совершаемые лицами, не являющимися предпринимателями или иными участниками коммерческой и иной экономической деятельности, считаются более опасными, чем со стороны лиц – участников легальной экономической деятельности, лиц, наделенных собственностью. С учетом сказанного представляется целесообразным постановка и обсуждение вопроса о возможном уравнивании ответственности за ненасильственные корыстные преступления против собственности и в сфере экономической деятельности путем, например, частичной депенализации первых и, одновременно, частичной криминализации других.

В заключение следует подчеркнуть, что современная уголовная политика в условиях социальной рыночной экономики не должна стоять перед дилеммой чрезмерного ограничения или, напротив, необоснованного усиления ох-

ранительной функции уголовного закона в сфере экономики. Она должна быть адекватной происходящим социально-экономическим процессам, учитывать криминогенные тенденции в экономической сфере⁸, способствовать снижению криминальных рисков в области экономических отношений, наконец, быть оптимальной с точки зрения охраны физического и духовного здоровья народа, равной защиты разных форм собственности, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности.

Список литературы

1. Халфина Р. Право и переход к рынку // Российский экономический журнал. – 1992. – № 7. – С. 54.
2. Курс советского уголовного права: Часть Общая: Т. 1. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. – С. 23.
3. Сергеевский Н.Д. О мошенничестве в русском уголовном праве // А.И. Чучаев, Н.Д. Сергеевский: жизненные веши и творческое наследие. – Ульяновск, 2006. – С. 169.
4. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Часть I. – СПб. – 1871.
5. Чубинский М. Курс уголовной политики. – Ярославль, 1909.
6. Сергеевский Н.Д. О мошенничестве в русском уголовном праве.
7. Наумов А.В. Хищение интеллектуальной собственности // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 40.
8. Мазур С.Ф. К вопросу об уголовно-правовой защите интеллектуальной собственности // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним: Всероссийская науч.-практ. конф. 25-26 марта 2004 г.: В 2-х ч.; под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов, 2004. – Ч. 2.
9. Муратова Э. Г. Проблема уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности // Военно-юридический вестник Приволжского региона: сб. науч. тр. Самара, 2005. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 223.
10. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 114.
11. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. – Самара, 2002. – С. 201.

В редакцию материал поступил 21.05.07.

⁸ Преступления в сфере экономики – судя по официальной статистике, самые распространенные в современном обществе преступления, количественное господство этих посягательств в общей массе преступности обуславливает их влияние на общее состояние, уровень опасности и качественную характеристику последней, экономические преступления – наиболее подвижный и исторически меняющийся род преступлений и пр.